Міроощущеніе и міросознаніе Льва Толстого вполнѣ внѣхристіанское и дохристіанское во всѣ періоды его жизни. Это нужно рѣшительно сказать, не считаясь ни съ какими утилитарными соображеніями. Великій геній прежде всего требуетъ, чтобы о немъ была сказана правда по существу. Л. Толстой весь въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ язычествѣ, въ Отчей Ѵпостаси. Религія Толстого—не новое христіанство, это — ветхозавѣтная, дохристіанская религія, предшествующая христіанскому откровенію о личности, откровенію второй, Сыновней Ѵпостаси. Л. Толстому такъ чуждо самосознаніе личности, какъ могло быть чуждо лишь человѣку дохристіанской эпохи. Онъ не чувствуетъ единственности и неповторяемости всякаго лица и тайны вѣчной его судьбы. Для него существуетъ лишь міровая душа, а не отдѣльная личность, онъ живетъ въ стихіи рода, а не въ сознаніи личности. Стихія рода, природная душа міра раскрывалась въ Ветхомъ Завѣтѣ и язычествѣ, и съ ними связана религія дохристіанскаго откровенія Отчей Ѵпостаси. Съ христіанскимъ откровеніемъ Сыновней Ѵпостаси, Логоса, Личности связано самосознаніе лица и его вѣчная судьба. Всякое лицо религіозно пребываетъ въ мистической атмосферѣ Сыновней Ѵпостаси, Христа Личности. До Христа въ глубокомъ, религіозномъ смыслѣ слова нѣтъ еще личности. Личность окончательно сознаетъ себя лишь въ религіи Христа. Трагедія личной судьбы вѣдома лишь христіанской эпохѣ. Л. Толстой совсѣмъ не чувствуетъ христіанской проблемы о личности, онъ не видитъ лица, лицо тонетъ для него въ природной душѣ міра. Поэтому онъ не чувствуетъ и не видитъ лица Христа. Кто не видитъ никакого лица, тотъ не видитъ и лица Христа, ибо поистинѣ во Христѣ, въ Его Сыновней Ѵпостаси всякое лицо пребываетъ и сознаетъ себя. Само сознаніе лица связано съ Логосомъ, а не съ душой міра. У Л. Толстого нѣтъ Логоса и потому нѣтъ для него личности, для него—индивидуалиста. Да и всѣ индивидуалисты, не знающіе Логоса, не знаютъ личности, ихъ индивидуализмъ безликій, въ природной душѣ міра пребываетъ. Мы увидимъ, какъ чуждъ Толстому Логосъ, какъ чуждъ ему Христосъ, онъ не врагъ Христа-Логоса въ христіанскую эпоху, онъ просто слѣпъ и глухъ, онъ въ дохристіанской эпохѣ. Л. Толстой—космиченъ, онъ весь въ душѣ міра, въ тварной природѣ, онъ проникаетъ въ глубину ея стихій, первичныхъ стихій. Въ этомъ сила Толстого какъ художника, сила не-